

Яна Конозова

Воздушно -
Капельно

16+

Яна Конозова
Воздушно – Капельно

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конозова Я.

Воздушно – Капельно / Я. Конозова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

... И свежестью спасают не слова, а то, что она в них вдохнула. Так небо создаёт стихи ночи между ударами часов и сердца, тени от стульев в комнате и ветер, забредший в её многоголосье тишины... И ничего этого нет в стихах, они больше, чем стихи... Запоминайте наизусть то, что останется в вас после прочтения её временной азбуки... Ваша боль внутренне, она и есть ваша тоска по вам самим... Открывайте книгу прямо сейчас... Желаю вам вспомнить себя... Желаю вам!

Содержание

От автора	6
Голоса её незримых птиц	7
Так будет легче	8
Вот так однажды прирастаешь к месту	9
За руку	10
На берегу реки седой старик	11
В стране глухих	12
Сожги меня с сентябрьской листвой	13
На эту осень хочется молиться	14
Изумрудный город	15
Но была ли святая?	16
Веретено	17
Сентябрьское	18
От тоски	19
Солнечная лиса	20
У меня есть дар собирать и сеять	21
И боги не выносят одиночеств	22
Дождь, как будто, не приходил сюда тысячу лет	23
Чёрный ящик	24
Пространства	25
Юпитер	26
Мы похожи на белых чаек	27
Я люблю тебя до стихов	28
Я хочу рисовать тебя без лица	29
Женское	30
Словно ты воздух	31
Опера к бессмертию	32
Неслучайность	33
Письмо	34
Кто отнимет меня у последней моей земли	35
Белые камни	36
Я отпустила тебя на все стороны	37
Ты выходила тёмными ночами	38
Учи меня терпению	39
Не молчи	40
Никогда не касайся губами мёртвых слов	41
Как река	42
Кто-то ходит по кругу и дразнит моих собак	43
В старом доме у края реки	44
Маленькая девочка	45
Нам ночь дана как дерево познаний	46
Остался день с дождем наедине	47
Развитие	48
Она пишет мне про заваренный в чашке космос	49
Та, что смотрит в глаза и меня называет кошкой	50
Я тебе посвящаю ветер	51

Плод от плода	52
Ты говоришь	53
Однажды	54
Кукушка	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

От автора

Это мой первый поэтический сборник, долгожданный, прошедший «огонь и воду» настоящей жизни. Я полагала, что здесь должна сказать что-то о себе... но лучше, чем моя поэзия, сказать обо мне невозможно. И все же остаются некоторые детали, требующие дополнения – некой привязки к физическому, ведь стихи, как и дети, не берутся из воздуха?! Очевидно, что нет – поэтому немного обо мне: Яна – это псевдоним, взятый из моего полного имени Татьяна, что символично, так как творчество, хоть и является неотъемлемой частью моей жизни, но всё же – частью. Другая же часть посвящена семье, работе и маскировке в нормального человека. Вы можете случайно встретить меня с моими детьми в школе или на площадке, сосредоточенно выбирающей в супермаркете спагетти или жидкость для мытья посуды. Вы даже можете специально проследить за мной через окно моего дома – и увидев только примерную жену и маму, отбросите свои подозрения. Однако не подумайте, что внутри я скрываю некоего монстра! Поэт во мне вполне смирен и безопасен для общества. Просто ему, как и любому другому существу в этом мире, требуются минуты покоя, впечатления и жизненный опыт, которым я его щедро снабжаю дома, на улице, общаясь с друзьями или читая книги. Таким образом получается, что живём мы с ним душа в душу. Я ему прозу жизни – он мне поэзию души. И при этом как-то так всё хитро переплетается, что выходят у нас порой совершенно сказочные истории: про безнадзорно растущие из воды дома, глубиной уходящие в космос колодцы, говорящих птиц с человеческим сердцем под перьями, про испепеляющую напряжением высоковольтную страсть, беспросветную тьму, всепобеждающую любовь, обыкновенную магию и невероятную простоту души человеческой. Кому я посвящаю мои стихи? По большей части образы в них собирательные, хотя бывают, конечно, и исключения, но преимущество в ней, всё же, отдано природе, появляющейся в главной роли, или эпизодической, но так или иначе всегда здесь присутствующей по причине моей всепоглощающей любви ко всему дышащему – будь то воробушек или Альпы.

Эти необыкновенные истории – о внутренних конфликтах и личностных переживаниях, о глубине человеческой души, о многоликости окружающей нас вселенной и наших, людских, с ней отношениях.

Голоса её незримых птиц

Она не пишет стихи, она вдыхает воздух в буквы, и они оживают. Она не знает, что есть граница между этим миром и тем, она где-то между небом и землёй, она просто берет лист бумаги и делает его живым, она создаёт белизну листа. Воздушно – капельно это почти внутренне – внутривечно.

И свежестью спасают не слова, а то, что она в них вдохнула. Так Небо создаёт стихи и ночи между ударами часов и сердца, тени от стульев в комнате и ветер, забредший в её многоголосье тишины... И ничего из этого нет в стихах, они больше чем стихи... Это ручной трепет, незрячее родство с чем-то более большим чем она сама, дрожь времени, свободная пауза, перерожденная в запредельные знаки. Она – переодетая наследница ритма огня, ей доступны золотые звуки будущих её первенцев слов. Каждый поэт создаёт слова заново, и исчезает святая окраина в них, и становится Бог ближе, и земля родней. И голоса её незримых птиц раскрывают свои крылья и летят к вам. В ваши дни и ночи воскресения словом сердца, в ваши дни всеожжения, где уже так невыносимо быть слепым и глухим. Запоминайте наизусть то, что останется в вас после прочтения её временной азбуки...

Ваша боль внутриутробна, она и есть ваша тоска по вам самим... Открывайте книгу прямо сейчас... Желаю вам вспомнить себя... Желаю вам!

И когда рассыплется строка в вас на «до» и «после», и в огонь и в воду, и в туман и во мрак вы возьмете с собой эти строки, её строки. Я вам это обещаю.

Эдуард Дэлуж,

По добровольному совместительству руководитель проекта «Ловец слов» и трепетный читатель волшебных строк Яны

Так будет легче

Я хочу себе вместо савана млечный путь.
Ведь придётся вам и меня хоронить когда-то.
Прочитайте молитву, стихи... что-нибудь из букв
И пожалуйста, улыбайтесь – такая дата
Выпадает раз в жизни, как тройка, семёрка, туз.
Я отправлюсь туда, где никто из вас ещё не был,
Я отправлюсь Ионой, попавшим в нутро киту,
В голубой океан, что у нас называют небом.
Не грустите нисколько. Налейте себе вина,
Загадайте желание, выпейте за удачу,
Тех, кто вас обижал, наконец-то пошлите «на».
Бог простит, а какой же он бог иначе –
Я за вас попрошу, посвечу вам с небес звездой,
А потом прикоснусь к вам листком, оторвавшись от клёна,
Ведь однажды нас вместе с вами сожмет седой,
Но весёлый и светлый ангел в своей ладони.
А поэтому будьте. Живите, как будто вас
Не коснулись потери, как будто вы бесконечны.

Вместо белых одежд заверните меня в слова.
И пожалуйста, улыбайтесь – так будет легче.

Вот так однажды прирастаешь к месту

Вот так однажды прирастаешь к месту,
Как семечко, упавшее на почву
Так аккуратно, словно ставит метку
На глиняной дощечке божий почерк.
И ты берёшь из воздуха чернила,
Из пальцев – прорастающие перья,
Обугленные чувства из горнила
И ткёшь потустороннюю материю
Строка в строку. И укрываешь душу
Упавшим в октябре листом осиновым
По самое земное, по насущное
И там душа, как древняя былина,
Такая необъятная, соборная,
В подвешенной под небосводом люльке
Качает, как младенца, Святогора
И поднимает на ноги Илюшу
И вырастает трехголовым змеем
Воздушным и качается по ветру.

Вот так однажды прирастаешь к месту,
С которого становишься поэтом.

За руку

Возьми меня за руку
И не отпускай меня.
Веди меня в завтра
Сквозь воду и пламя,
Веди меня млечной
Дорогой небесной.
Держи меня крепче –
За бога невесту
Идущую замуж.
Веди по дороге,
Не видной глазами.
От слога до слога
Словами, стихами.
По листьям опавшим,
По краю дыхания.
Веди меня даже
Когда я не верю,
Веди сквозь надежды
Закрытые двери.
Держи меня бережно
Сердцем, любовью
Дай руку, пожалуй...

Пока я за бога
Не выдана замуж.

На берегу реки седой старик

В сентябрьской листве закат горит,
Камыш скользит по ветру частым гребнем;
На берегу реки седой старик,
Сквозь маленькое сито сеет небо
И улыбаясь молча, достаёт
Со дна его бамбуковую флейту.
Своей рукой к губам прижав её,
Он песню выдыхает от полей до
Солнечного диска вдалеке,
Пронизывая звуком наши души.
Седой старик спускается к реке
И воду переходит, как по суше.
Он, словно в плащ укутавшись в туман,
На флейту опираясь, как на посох,
Проходит сквозь ворота и дома,
Сквозь все преграды, как святой апостол.
Он следует за солнечным лучом
Последним, убегающим за гору.
И тень крадется за его плечом,
И он сквозь тишину, сквозь разговоры,
Сквозь мысли, время, взгляды по пути,
Сентябрь, догорающий на листьях,
Сквозь нашу память и сквозь этот стих
Идёт за солнцем, чтобы с ним проститься.

В стране глухих

Здесь говорят у вас читают так,
Что слово застывает на устах,
Что каждая строка внутри болит
И душу поднимает от земли.
Здесь говорят, у вас теперь поют,
Как будто приручили смерть свою
И вместе с ней качают колыбель,
В которой спит ваш бесконечный день.
Здесь говорят, что музыка у вас
Внутри по-настоящему жива,
Что танец превращается в обряд.
Ещё у нас такое говорят,
Что ваши лица вверх обращены,
Что вы потомки солнца и луны,
Когда-то разлучившихся навек,
Что ни один из вас – не человек,
Но вы на вид такие же, как мы,
И что всегда хотели быть людьми...
Здесь говорят у вас, в стране глухих,
За бога принимают Стихи.
И я пишу для вас, ведь говорят,
Что каждый знает сам, когда пора
Стать словом на разомкнутых губах,
Отдав вам на прочтение себя.

Сожги меня с сентябрьской листвой

Сожги меня с сентябрьской листвой
В своих садах, они уже готовы
Принять меня на вечное родство
Огнём и словом.
Коснись меня сияющей рукой,
Как тысяч листьев до меня касался.
Сожги меня. Сожги меня легко –
Не жалко.
Я так хочу. Сгорая изнутри
Меняешься как листья – постепенно
И ты услышишь не последний крик,
Но пение.
Так здесь поют в божественном огне
Сады свободу пожелтевшим листьям.
Дай вместе с ними догореть и мне.

Воистину.

На эту осень хочется молиться

Обожествляя жёлтый ворох листьев,
Луч солнца их подсвечивает сверху.
На эту осень хочется молиться,
Переходя в языческую веру,
На эту осень хочется поплакать
Дождём с небес, пропитывая воздух,
И на себя надев её, как платье,
Стихами говорить её и прозой.
У осени задумчивые лица,
У осени глубокие печали.
Как в эту осень хочется влюбиться
И листья золотые, обручальные,
Хранить у сердца до сухого хруста
Моих костей истлевшего скелета.
Как в эту осень хочется вернуться
Сентябрьским лучом, спустя столетия.

Изумрудный город

Снова тебя читаю до боли в теле,
Как ни хотела заново все начать.
Я в сентябре заблудившаяся, как Элли,
Сбившись с дороги из жёлтого кирпича.
Глажу тебя по буквам, по мелким точкам –
Не эрогенным и даже не болевым;
Мне от такого чтения этой ночью
Хочется диким зверем протяжно выть.
Каждое слово твоё мне крадется в горло,
Словно слезой отравленный поцелуй.
Где-то внутри меня Изумрудный город
Жаром горит, превращая себя в золу.
Выживут только железные дровосеки,
Им ни по чем и пламя, и пустота.

Вырвал бы Гудвин глаза у меня из сердца,
Чтобы мне стало нечем тебя читать.

Но была ли святая?

Весь сентябрь теперь на улицах миражи,
Всё желтеют листья, по-птичьи с ветвей слетая.
Говорят, что вчера по городу шла святая,
Но попробуй ещё кому-нибудь докажи.

Ни следа не оставила, взора не подняла
И была так безмолвна под каждым упавшим взглядом,
Что её неизменно путали с листопадом
Или с тенью от взмаха воронова крыла.

Говорят, что она улыбалась, склонив лицо
Над клиновым листом и как будто его читала,
А присмотришься – разлетится тревожной стаей,
Расщебечется и забудется, словно сон.

Те, кто видели, говорят, что была она
Так прозрачна, что цвета платья не разглядели.
Будто в парке остановилась и стала деревом,
Но каким из деревьев, никто не сумел узнать.

Были те, кто пытался коснуться её рукой,
Но ладонь ощутила лишь след от пера, листа ли.
Говорят, что вчера по городу шла святая.

Но была ли святая? И город ли – был такой?

Веретено

Вергись, вертись, моё веретено,
То здесь, то в измерении ином,
Я в полотно вплетаю пряжу эту
И волоски серебряного света
Луны сегодня добавляю в ночь.

Нить голубая тянется к рукам,
Под небом разливается река,
И камни под водой покрыты илом.
Веретено даёт такую силу,
Что пряжа сохраняется века.

Моё веретено, вертись, вертись,
На этом месте город и мосты
Сегодня мы по полотну расставим.
Большой собор и колокол с крестами,
И серый камень площадей пустых.

Лети сквозь пальцы, небо и вода,
Как листья по сентябрьским садам,
Как души по пустому коридору.
Я всё перебираю нити: до, ре,
В пределах безупречнейшей из гамм,

Но нам пора переходить предел.
Как ночь переключается на день.
Беру веретено, но раню палец.
Ах, пожелайте, чтоб спокойно спала
Я среди мною сотканных чудес.

Сентябрьское

Хочется лежать в траве помятой
Не укрывшись ни сукном, ни тенью,
Осени желтеющую мякоть
Впитывать от пальцев ног до темени,
Чувствовать, как ветер апельсиновый
Льётся по плечам тепло и нежно –

Подними как лист и унеси меня!
Унеси в поля, а может в небо,
Далеко за лес, за перешеек,
За сентябрь, за земное время,
За моё дыхание, за шелест,
Тишину и за... стихотворение.

От тоски

Я сегодня иду на берег реки молчать,
Слушать голос воды за границей земного слуха.
Камышовый шелест стелется по плечам,
Под деревьями отдыхают речные духи.
Я сажусь у самого края вод,
Опускаю в поток протянутые ладони.
Пусть тоска белой пеной вдоль берега поплывёт,
На волнах разобьется и в тёмной воде утонет.
Из нее будет соткана простынь Его женой
(Он всегда устаёт и ложится на долгую зиму).
Отшепчи перед сном мои горести, Водяной,
Отшепчи мои горести и передай мне силу –
В синем небе утки клином летят на юг,
Под землёй заползают в глубокие норы змеи,
По речной воде рыбы в водорослях снуют.
Я живу на земле и прятаться не умею.

Прилетит белой птицей, стукнется о стекло,
Растворится туманом, проникнет с дыханьем в тело.
И в реке души станет солнечно и светло.
И сквозь сон Водяной улыбнётся в своей постели.

Солнечная лиса

У маленькой девочки, жившей на небесах,
Был солнечный зайчик и солнечная лиса,
Медведь и журавлик из облачного сукна.
И мама ждала её вечером у окна.

А девочка бегала в синей дали небес
И в ноги босые её упирался лес,
И ветер играл с ней в прятки и вёл домой,
А потом под окном выл собакой сторожевой.

И щёткой ведя по огненным волосам,
Ей мама шептала про тайны и чудеса,
Про то, что однажды все падают в синеву
И где-то под небом, под небом потом живут.

А девочка утром садилась на край небес,
И мир на ладони её умещался весь –
Медведь, и журавлик, и мамин портрет в часах,
И солнечный зайчик. И солнечная лиса.

У меня есть дар собирать и сеять

Когти птицы острые, как крючки,
А глаза пронизывают насквозь.
У тебя, должно быть, полно причин
Не воспринимать мой намёк всерьёз,
Но когда коснешься моей руки,
Оцарапав пальцы об острый край –
Прижимайся, словно ко дну реки,
К моим перьям. И медленно умирай.
Задыхайся. Бейся, как рыба, в сеть
Угодившая старого рыбака.
У меня есть дар собирать и сеять
Тех, кто сможет перешагнуть века.
Не волнуйся, воздух – хороший мост.
Поднимайся, если устал лежать
Под водой запретов. Открой замок
И вдохни душой вместо рыбьих жабр.
Когти птицы острые, посмотри,
Крылья птицы чёрные, как смола.
Я готова ради тебя на риск.

Протяни ладони. И умирай.

И боги не выносят одиночеств

Раскручивая в небе карусель,
Хозяин гор с утра был хмур и сед
И длинной бородой касался кресел.
А люди в них, летящие над лесом,
Протягивали руки к облакам,
Но белый пар не оставлял рукам
Своих следов и плыл, меняя форму,
У голубых вершин белесым фоном.

Хозяин гор тянул железный трос
И люди, выпрямляясь в полный рост,
Вставали в небесах на твёрдый камень.
Так повторялось долгими веками.
Раскручивая в небе карусель,
Хозяин забирал себе не всех.
Он брал лишь тех, кто сам к нему захочет.

И боги не выносят одиночеств.

Дождь, как будто, не приходил сюда тысячу лет

Дождь, как будто, не приходил сюда тысячу лет –
Мои корни высохли от того, что им нечего пить.
Я когда-то считала, что я расту в степи,
Но теперь точно знаю, что вырезана в скале.
Я теперь точно знаю, что выедена дождем
(Тем, который тысячу лет назад)
В сером камне. Я думала, что я – сад,
Но тогда эта засуха съела б меня живьём.
У меня нет ни листьев, ни свежего ветра в них,
Я открыта солнцу, точнее – обнажена,
Но мои плоды превращаются в семена,
Разлетаются по земле и растут с людьми.
На моих тонких ветках ни одного гнезда,
Ни одна из птиц не выведет в них птенцов,
Но я все ещё верю – когда-то и мне воздаст
Тот, которого Человек называл Отцом.

Дождь как будто не приходил сюда тысячу лет,
Только я до сих пор храню у себя внутри
Отзвук капель звенящий, похожий на тихий скрип
Инструмента, вытачивающего скелет.

Чёрный ящик

Дайте мне запереться в крохотную пустоту,
В маленький чёрный ящик собственного сознания.
Дайте мне запереться там, где всегда цветут
Чёрные неизвестные миру азалии.
Дайте мне перепачкаться полностью их пылью,
Выстирать ею чужие слова, словно чёрной пеной.
Дайте войти белой костью моих резцов
В черную плоть забвения,
Потому что во мне до сих пор звучат голоса,
Лица, глаза – как присутствие вашей плоти.

Дайте мне запереться и написать
В маленьком чёрном кубе не больше локтя.

Пространства

Я люблю пустые пространства,
Я заполняюсь ими.
Ты скажешь, что это странно,
Но кто же ещё обнимет
Так широко распахнуто,
Так сиротливо ревностно.
Пространства в объятиях пахнут так,
Как в Гизе седая древность.
Пустые пространства, как звери хищные,
Открывают пасть и меня проглатывают,
Но в их пустоте даже небо выше
И бог с него смотрит ласковее
И они выскребают мне душу до дырочек,
До звезд на вечернем юге,
А потом ложатся по-детски мирно
И мы продолжаем друг друга
Пустыми пространствами. Лнём предплечьями,
Тонем в утробе сердечных сумерек.
Их пустота не болит, не лечится.
Их пустота к лицу мне
Так прижимается, словно хочет
Поцеловать мои губы страстно.
Я закрываю глаза. Я молча
Целуюсь с пустым пространством –
Нет, не на уровне, а под панцирем
Моей человеческой кожи.

Я люблю пустые пространства –
Они так на тебя похожи.

Юпитер

На нас с безупречного неба смотрел Юпитер
И было особенно важно забыть друг друга,
Свои, успокоив, чувства приказом «спите»
И разомкнув движение мыслей по кругу.
И было так сладостно проникновение ночи
В сердце новокаиновым облаком, в вены.
Я забывать тебя предпочитаю молча,
Так же, как раньше предпочитала верить.
Каждое слово виновно, судом присяжных
Приговоренные фразы из писем стёрты.
Знаешь, забыть тебя мне настолько важно,
Как и в своей судьбе избежать повтора.
Мы с тобой были просеяны через сито,
Сидя друг с другом на расстоянии ночи.
А с безупречного неба смотрел Юпитер,
Помнить о людях предпочитаю молча.

Мы похожи на белых чаек

Мы похожи на белых чаек —
Тела с небом удачный сплав.
Море зыбко в себе качает
Цвет бутылочного стекла,
Погружаешься в эти волны
На стеклянную глубину.
Знаешь, я в этом месте помню,
Что приходится утонуть,
Захлебнувшись на пятой строчке.
Это нежное слово смерть
Не берет нас по одиночке,
Словно опытный птицевед,
Словно Ной собирая пары
(Для спасения) на ковчег,
Но никто нам не поднял парус
И не выдал товарный чек
За оплату услуг. А впрочем,
Не была велика цена.

В небе чайками божий почерк
Аккуратно расставит нас.

Я люблю тебя до стихов

Ты причудливо морщишь лоб,
Красишь губы помадой алой.
Я любил бы тебя взахлёб,
Если б ты разрешала.
Я бы хищно, как дикий зверь,
Припадал к твоим нежным формам
Ты могла бы (поверь, проверь)
Стать для зверя достойным кормом.
Я люблю тебя вот такой
Беззащитной, по-детски ломкой.
Я хочу от тебя щенков,
В лес, в безлюдное волчье логово
Увести тебя за собой,
В мягких травах с тобой зарыться.
Знаешь, девочка, я не бог
И не средневековый рыцарь,
Но любил бы тебя до тех пор,
Когда неба не станет вовсе.
Я люблю тебя до стихов.
Нет. И после.

Я хочу рисовать тебя без лица

Я хочу рисовать тебя без лица
Так, как рисует Рабин или Магритт.
Чтоб на лице вместо глаз представлялся сад,
Чтоб на лице вместо рта бушевал Париж.
Ты же такая – вольнее сухих ветров,
Ты же не знаешь собственной глубины.
Этот Париж на портрете (читайте – рот)
Даже не нарисованный – а пленит.
Знаешь, а этот персиковый в саду,
Скрытый за цветом неба вокруг зрачков,
В нем столько жара, если его раздуть,
В нем столько нежности, если накрыть рукой.
Я хочу рисовать тебя без лица,
Чтобы никто не увидел его черты,
Чтобы никто не смог одурманиться
Так, как меня одним взглядом дурманишь ты.
Я хочу рисовать тебя без лица,
Посвятив твой портрет незакрашенному холсту.
Чтобы мне, не скрывая взгляда, смотреть в твой сад,

Чтобы мне прикоснуться к Парижу (читайте – рту).

Женское

Сердцу тревожно. Берусь за старое,
Словно ещё ничего не писала я.
Даже слова не выходят без боли.
Каждое колет.
Каждое рвёт меня, каждое режет.
Нет, мне не пишется – брызжется в бреши,
Слово рождается в ломаных жестах.
Хрупкое, женское.
Слово на тоненьком стебелёчке
Рвётся из тела и кожу мне точит
Слишком невнятное, слишком огромное.
Выпьет всю кровь мою.
Выпьет всю кровь и возьмётся за душу.
Только тогда оно выйдет наружу
И закричит, напрягая все жилы.
Зачатое жизнью,
Мягкое и невесомо-бескожное.
Ты беззащитное, нежное,
боже мой!
Запеленать и качать, обнимая.

Мало мне, мало...

СЛОВНО ТЫ ВОЗДУХ

Ночами вкуса кофе с молоком
Под небом, застегнутым на все звезды,
Дышится тихо и так глубоко,
Словно ты – воздух.
Слышится шум на большой луне,
Кто-то не спит на ней, это точно.
Лунные люди, скажите мне,
Хватит ли строчек
Переписать всё, что здесь сейчас
Может быть мной и вами?

Хватит ли строчек моим ночам?

Хватит названий?

Опера к бессмертию

Он нотами записывает жизнь,
Он сочиняет оперу к бессмертию.
Она звучит как боль скрипичных жил,
Иссушенных в жару пустынным ветром,
Она звучит как пуля у виска
Мелькнувшая, не тронув даже волос.
Далёкий берег, белая тоска,
Дождливой тишины промокший голос...
Она звучит – и дни её растут,
И каждой нотой вечность повторяя,
Она звучит как мой сердечный стук,
Подобранный на клавишах рояля.

Он нотами записывает мир,
И звуки этой оперы повсюду –
И музыка становится людьми,
И музыкой уходят в небо люди.
И если мы сегодня здесь с тобой
Созвучны друг для друга, словно ноты,
То просто это
Нас
Играет
Бог,

Переплетая звуком
Дни и ночи.

Неслучайность

Люди, разбросанные по свету,
Чувствуют кожей июльский ветер,
С древнего севера тянутся к югу.
Тянутся сердцем искать друг друга.
Ты говорила –«Всё неслучайно»,
Я твои тексты пила ночами
Вместо текилы, так было крепче
Связывать чувство свободы с речью.
Я составляла из слов узоры,
Переходя из комфортной зоны
В зону твоей ураганной силы.
Только бы воздуха нам хватило,
Только бы неба хватило душам.
Ты говори, а я буду слушать

И отвечать, собирая в звенья
Цепь – откровенье за откровением.

Письмо

Здравствуй, мама, я живу в этом странном городе,
Где кончается мир за моим X-этажным домом.
Я смотрю из окна в пустоту своего сегодня,
Словно на берегу реки путник ждёт парома.
Я иду на балкон, что выходит в открытый космос
И меня отделяет шаг от его начала.
Я шагнула бы вниз – но работа, соседи, кошка
И оставленный на плите допотопный чайник.
Я сажусь с растворимым кофе за стол на кухне,
Где становится сразу от хлынувших мыслей шумно.
В этом городе, мама, свет никогда не тухнет –
Ведь, ты помнишь, таким я когда-то его придумала.
Я ищу в себе продолжение этого города,
Но всегда натываюсь на эту последнюю стену.
Я кричала в окно, на сколько хватало горла,
Я до первой крови дралась с подступившей тенью,
И сегодня нет больше сил, от всего устала.
Пустота за моим окном поглощает здание,

Словно хочет теперь поменяться со мной местами,

Словно хочет сказать за меня тебе – «до...

Кто отнимет меня у последней моей земли

Мои пальцы касались дерева и воды,
Мои ноги касались пристаней и дорог.
Я училась у вечности не оставлять следы,
Но меня не хватило усвоить её урок.
Завтра выйдут из гавани первые корабли,
По железным дорогам покатятся поезда.
Кто отнимет меня у последней моей земли,
Чтоб она обо мне не вспомнила никогда?
Мы повенчаны с этим лугом его травой
И моими стихами, коснувшимися её.
Я училась у вечности жить. И была живой
Та трава на лугу, что так обо мне поёт.
Завтра ветер развеет в поле мои слова
И пшеница наполнится памятью этих слов.
Я училась у вечности в губы не целовать,
Но при встрече не отвернула своё лицо.
Я училась у вечности не говорить с тобой,
Я училась услышать тебя у себя внутри.

Но, наверное, прав был тот, кто сказал, что Бог

Никогда с такими, как я, не заговорит.

Белые камни

Камни белеют, когда наступает день –
Солнце приходит к ним по речной воде,
Солнце приходит по веревочному мосту.
С каждой минутой силы его растут.
Солнце ложится в небо и смотрит вниз,
Смотрит за теми, кто не сидит в тени,
Смотрит на девочку, камни в её игре
Передают ей самый большой секрет.
Девочка держит камень своей рукой –
Камни бывают солнцем или рекой,
Камни бывают сердцем, бывают сном,
Белые камни считают себя Луной.
Девочка слышит лишь белые из камней –
В них говорит молчание или снег,
Белые хлопья несказанного тепла,
Шорох парящего над головой крыла.
Девочка знает, что камень всегда другой,
Он не прощает слабостей и врагов,
Камень тяжёл снаружи, но не внутри.
Если послушать камень, то это – крик.
Крик возвращает к жизни из страшных мест.

Девочка, камни не побеждают смерть.

Камни – гораздо большее, чем Она –

Белые души, лёгкость и тишина.

Я отпустила тебя на все стороны

Солнечный свет тяжелей металла,
Ночь конденсирует вечер в чернила.
Я бы тебе обо всём написала,
Если бы только хватило силы
Выдержать звезды в открытых окнах,
Выдержать небо в груди июня.
Я говорила – не будь одиноким.
(Ну и кого я тогда обманула?)
Ветер ночной заблудился в листьях,
Легче него только наши души.
Нас окружают другие лица,
Словно от них нам становится лучше,
Словно никто не войдёт повторно
В реку, наполненную туманом.

Я отпустила тебя на все стороны,
Я отпустила тебя на все стороны.

Только не поздно, а кажется, рано.

Ты выходила тёмными ночами

Ты выходила тёмными ночами
Смотреть, как звезды падают в сады –
Не зря болтают, что тебя зачали
От света пролетающей звезды.
Ты выходила в небо и молчала,
Земля плыла у самых твоих ног,
И мы не знали, где берет начало
Тебя в себе качающая ночь.
И мы смотрели преданно, как дети,
И мы писали о тебе стихи,
А ты ждала, пока одно столетье
Менялось исчислением с другим.
А ты плыла в волнах своих небесных
Спокойна, молчалива и светла.
И кто-то называл тебя невестой,
В тиши ночной желая твоих ласк,
И кто-то называл тебя богиней,
И кто-то называл тебя рабой,
Но в отчем доме звал тебя по имени
И знал твои печали только Бог.

Ты выходила тёмными ночами,
И звезды тихо падали в сады,

И люди никогда не замечали,
Как время жизни превращалось в дым.

Учи меня терпению

Учи меня терпению, учи.
Учи меня быть терпеливей воска,
Пока фитиль сгорающей свечи
Не превратится в черную полоску.
Учи меня терпению терять,
Учи быть убывающей Луною...
Учи, не заблудившись во вчера,
Встречать день зарождающийся, новый.
Учи меня терпению письма,
Скрепленного сургучною печатью.
Учи меня, что смерть – это обман,
Что смерть и жизнь для целого – две части.
Учи меня дождями, тишиной,
Холодным ветром листья обрывая
С ветвей деревьев. Говори со мной
Не-соприкосновеньем, не-словами.
Учи меня терпению себя,
Учи быть рыбой в глубине подводной,
Пока на небесах сидит рыбак
И сеть его полнеет с каждым годом.

Не молчи

Не молчи, напиши хоть строчку –
Чем живёшь, от чего устала.
Напиши, как проходят ночи
Через сердце колёной сталью,
Напиши, как твоя улыбка
Расцветает с лучом рассвета.
Напиши мне, ведь время зыбко –
Не заметишь, как станешь ветром.
Напиши, как июньский полдень
Расплескался по светлой коже.
Напиши мне сегодня. Вспомни.
Вспомни, девочка, если сможешь
Написать и не ждать ответа.
Напиши мне о чем угодно –
Как в тебя проникает лето
Глубже прежнего с каждым годом,
Как в руках твоих дремлет вечер,
Как стихи приливают к сердцу.
Между нами на небе млечность,
На которой весь мир наш держится.

Не молчи, это слишком сложно –
Поменяться с тобой местами,

Когда ночь достаёт из ножен
Меч острее дамасской стали.

Никогда не касайся губами мёртвых слов

Новорождённые слова умирают так же скоро,
как мотыльки.
Лишь только мысль примет форму,
расправит прозрачные крылья –
И что-то хрупкое внутри неё уже надломлено.
Искра этого сердца стремительно угасает.
Но никогда жизнь не бывает так ярка и прекрасна,
как если она обречена.
Блаженны отпускающие слова –
Творцы, вкладывающие душу в их тонкие тела.
Книги хранят память об их жизни,
Как будто слова –
это вложенные между страниц засохшие цветы.

Никогда не касайся губами мёртвых слов,
Если ты не готов в своём сердце
Дать им вторую жизнь.

Как река

– Далеко ли до счастья, не близко ли до беды, –
Спрашивала я у речной воды,
На заре вечерней цветочный плетя венок.
И вода волнами случайно касалась ног,
И небесный край купался в ней голубой,
И вода текла, наполняя меня собой.
И река шептала – Вижу в тебе беду.
Протеку сквозь сердце, на дно её уведу.
И качались травы, сорванные рукой,
И была я внутри прозрачной большой рекой
И хватало течение брошенные цветы
И речная кровь внутри начинала стечь.
А цветы тонули и достигали дна,
Словно их позвала безысходная глубина,
Глубина, из которой не выбраться никогда.
И шептала река – Не вернётся твоя беда.
И волна сходила и я начинала жить,
Как река вдоль берега за горизонт бежит.

Как река обходя повороты своей судьбы,
Обретая из всех сокровищ лишь счастье – быть.

Кто-то ходит по кругу и дразнит моих собак

Никого не узнаешь, пока не узнал себя,
Никому не поможешь, пока не спасешься сам.
Кто-то ходит по кругу и дразнит моих собак
И пока у него нет ни имени, ни лица.
Кто-то тихо поёт всю ночь под моим окном,
Исчезая под утро с первым лучом зари.
И июньское солнце мой освещает дом,
И я чувствую этот дом у себя внутри.
В доме много комнат маленьких и больших,
В доме пахнет кофе, звёздами, тишиной.
Мне теперь осталось лишь подобрать ключи
От того незнакомца, который следит за мной.
Он приходит и ждёт, когда я найду себя,
Что-то тихо поёт, но слова улетают прочь.

Я боюсь не услышать лая своих собак,
Потому что я очень хочу нам двоим помочь.

В старом доме у края реки

В старом доме у края реки поживала Ночь.
Собирала коренья и травы в густом лесу,
Юный месяц кормила звездным своим пшеном,
Рассыпая по небу млечную полосу.
И со временем месяц тот вырастал в Луну,
Ночь любила её, как лучшую из дочерей.
Поутру, уходя, говорила ей: «Я вернусь
И, простясь, умирала в каждой такой заре.

А Луна выцветала на небе, как белый сон,
Как туманная дымка рассеявшись на ветру.

И катилось размеренно времени колесо,
Подчиняясь послушно движению божьих рук.
И ни разу никто из них не сошел с пути,
И ни разу за вечность не спрашивала Луна,

От чего так бескрайне ночь без нее грустит,
Рассыпая по небу звёздную горсть пшена.

Маленькая девочка

Маленькая девочка, укротившая небо,
Спрятавшая молнии в рукаве –
По её словам проплывают лебеди,
За её плечами проходит век.
В глубине себя она держит истину
Каждого создания на земле.
Жизнь в её глазах продолжает длиться –
Но никто не спрашивал, сколько лет.
Маленькая девочка с облаками
В маленьком кармашке её груди
Маленькое солнце несёт руками,
Мама со скамейки за ней следит.
Маленькая девочка любит маму,
Любит целый мир, заключённый в ней.

Маленькое солнце несёт руками,
Но никто не знает, в какой из дней.

Нам ночь дана как дерево познаний

Где мы вдвоем, вкусившие от ночи,
Отчаянно несказанные вслух –
Там время растекается по строчкам,
Там вечность превращается в золу
И ночь плывёт над нами тихой речкой,
И звёзды заблудились в камышах.
А мы с тобой, избавившись от речи
И словно не обучены дышать,
Идём ко дну, забытые другими,
Затерянные в лицах звездных рыб.
Нас эта ночь, как маленькая гибель,
Влечёт в потусторонние миры.
Идём ко дну и сходится над нами
Огромная небесная вода.
Нам ночь дана, как дерево познаний,
А мы с тобой даны её плодам.
Где мы вдвоем, вкусившие от ночи,
Растаяли в предутренней заре –
Остался на земле глубокий росчерк
Свидетельством слияния двух рек.

Остался день с дождем наедине

Остался день с дождём наедине
И так стоял прозрачно и светло,
Что всё потустороннее во мне
Через края души перетекло.
И ломаная линия воды
Из капель рисовала на стекле
Биение внутри моей груди,
Похожее на старый хвойный лес,
В котором вековая тишина
Обходит ровным шагом каждый ствол.
Дождливый день, перепиши меня
И выложи тетрадами на стол,
Ведь я уйду как ты, не торопясь,
Растаяв в солнце, вышедшем из туч.
Ты это знал, а я была слепа
И безнадежна, как и все мы тут.
Остался день, и дождь проник в него,
И стало так нечаянно легко,
Как будто не осталось ничего
В груди, изрытой ломаной строкой.

Развитие

В темноте лежит зерно, не знающее себя.

Однажды зерно чувствует тепло, впитывает влагу и осознает, что вокруг него плодородная почва. Так оно оживает, глоток за глотком, и вдруг его телу становится тесно в панцире – в этот момент оно уже росток, идущий к свету. Каждый новый шаг – Развитие, каждый из нас – и росток, и почва для божественного зерна.

Пробуждение бабочки, первый взмах её мятых крыльев над долгим сном, каменистый путь ручья к большой воде, первый крик новорожденного – беспредельное движение по спирали из точки в бесконечность.

Развитие.

У кого-то внутри спит куколка, у кого-то младенец, зерно, ручей... все потекут к единому океану вечности. К огромному котлу, в котором кипит вселенная.

Развитие – это цепная реакция, оно необратимо в своем процессе. Развитие происходит по нашему желанию, или вне его. Мы можем его подпитывать, можем попытаться остановить, но оно неподвластно ничьей воле. Развитие – нечто, не имеющее ни начала, ни конца. Его возможно лишь в какой-то момент начать осознавать, разделить на этапы, стимулировать в той или иной области знаний, физической формы, творчества, но и без этого оно существует, и это ничто не способно изменить.

Человек бережно греет божественное зерно внутри себя, аккуратно разворачивает первые листочки. Чтобы вырастить крепкое дерево, росток лучше всего закалять под дождем и ветром, напитывать его солнечным светом. Тепличным растениям тяжело соперничать с такими. Те, кто знает этот секрет, легко развиваются сами и позволяют развиваться своим близким. Разрежьте куколку – и бабочка не сможет полететь. Для неё есть только один путь в жизнь – развитие, даже если этот путь очень сложен, даже если это похоже на смерть.

Стрелки часов пытаются измерить для нас время, дороги – указать нам путь, другие люди – научить жить так, как они. Никто из них не знает, что нам не подходит всё это. Каждый сам назначает час своего пробуждения, каждый сам выбирает свой путь и то, как по нему следовать. Если даже все вокруг считают тебя неправым, и это тоже – развитие.

В темноте души лежит зерно, не знающее себя – оно похоже на Адама и Еву, вкусивших от плода. Был ли у них выбор?...

Она пишет мне про заваренный в чашке космос

Она пишет мне про заваренный в чашке космос,
Про цветы под окном, засохшие от жары.
Она пишет, как звёзды купаются в чёрных косах
Её, имитируя то ли бабочек, то ли рыб.
Она пишет, что дождь прошел над её цветами
И они снова дышат и вместе с ней поют.
Она пишет мне – те, кто в небо не улетают,
Не умеют стоять, не падая, на краю.
Она пишет, но эти письма немногословны,
А точнее, в них слова вовсе ни одного.
Её письма перелетают ночными совами,
Её письма выходят небом из берегов.
Её письма меня читают настолько точно,
Что мне кажется – их пишу себе я сама.
И конверт у меня в руках, развернувшись ночью –
Целой ночью – для нас двоих бесконечно мал.
И печать её – лунный оттиск на чёрном фоне,
И стихи её – свежий ветер в ночной тиши,
И следы её пальцев птицами переполнены.

И она в своих письмах передаёт мне Жизнь.

Та, что смотрит в глаза и меня называет кошкой

Всякий раз, как на небе стоит в облаках Луна,
Когда ночь написана в стиле японских хокку,
Я боюсь услышать, как в дом постучит она –
Та, что смотрит в глаза и меня называет кошкой.
Та, что ласково гладит меня по моей щеке
И зовёт с собой, на крышу большой вселенной,
Говорит: «Отпусти себя, становись Никем.»
Говорит: «Отпусти года, становись мгновением.»
Мы с ней связаны нитью, млечным путем вовнутрь,
Переплётом страниц в историях Мураками.
Она смотрит в глаза и видит во мне Луну,
Я смотрю на неё и вижу её стихами.
Всякий раз, уходя, она оставляет мне
Отпечатки кошачьих когтей неизменной меткой,
И они протекают вдоль по моей спине,
И они углубляют душу на километры.
Эта странная связь, неправильная стезя,
Я боюсь того, что однажды случится с нами,
Но она говорит: «Останавливаться нельзя»,
И она говорит: «Не бойся своих желаний».

А сегодня Луна – неживой серебристый круг,
И я слышу шаги у самой своей постели.

И она говорит языком невесомых рук,
Проникающих прямо в сердце кошачьей тению.

Я тебе посвящаю ветер

И стихи пахнут свежим сеном,
И из слов прорастает рожь
От того, что такой весенний
Ты сегодня во мне поёшь.
На губах поцелуй рассветный,
В сердце ландышевый простор.
Я тебе посвящаю ветер
С этих майских моих листов,
Я тебе посвящаю лучшие
Из написанных мной страниц.
Я тебе посвящаю душу,
Так за что же её казнить?
И печали мои – цветение,
И надежда моя – трава.
Просто знаешь, такая весенняя,
Я сегодня Тобой жива.

Плод от плода

Ты, выросший деревом в райском саду –
Плод от плода, плоть от плоти,
Одной капли твоего яда оказалось достаточно,
Чтобы погубить.
Сколько раз ты отдавал всё своё золото,
Но так и не искупил меня.
Ты, воплотившийся во мне, не оставляешь мою душу.
Я, отравленная твоими плодами,
Изрезанная твоими листьями,
Смотрю на тебя в восхищении.
Мои дни слишком коротки, чтобы постичь тебя,
И когда я иду за солнцем,
Эти раны болят слишком сильно.
Пошли мне дождь, чтобы охладить моё тело.
Пошли мне стихи, чтобы отмолить меня от земли.
Пошли мне ветер, чтобы держаться его крыльев,
И я приду стать соком для твоих корней.
Пей меня, пой меня птицами,
Раскрывай меня небу
Ломаными линиями на твоих листьях,
Позволяя им выговорить меня,
Позволяя им выгореть до золота и истлеть.

Воплощайся в меня.
Снова и снова отравляй меня собой.

И да будет так, ибо я – плод от плода,
Ибо жизнь есть Великое
Движение
Души.

Ты говоришь

Ты говоришь, я мала для вечности.
Говоришь, ей во мне слишком тесно.
Ты говоришь, мне дано, словно меч, нести
Острые лезвия этих текстов.
Ты говоришь, это игры разума
Небо с землёй в моём сердце путают.
Ты говоришь я болею фразами,
Словно дорогой болеет путник.
Ты говоришь – вырастай, как дерево –
И у меня зеленеют листья.
Я расширяю свои пределы,
Вечности нужно во мне продлиться.
Я подчиняюсь законам творчества.
Ты говоришь, а я гибче слова
Вечно живу в золотой пропорции
Между «свершилось» и «будет снова».

Однажды

Однажды ты научишься слышать музыку
в грозных раскатах,
Почувствуешь себя травой под дождем Жизни.
Это будто стихи, пробивающие тебя насквозь,
Извержение души из спящего вулкана тела.
Не держи её, почувствуй, как она коснется облаков,
Как станет деревом, ветром, птицей,
струной виолончели в музыке неба.
Все вокруг говорит на твоём языке.
Ты говоришь на языке окружающей тебя Жизни.
Жизнь внутри камня, цветков черемухи,
солнечного луча приветствует тебя,
Жизнь ползет по листу яркой гусеницей
и поднимается в воздух птичьим криком,
Жизнь глухо стонет темнотой на дне океана
И переметается песчаными дюнами по пустыне.
Жизнь никогда не стоит на месте.
Под тонкой пленкой времени
всё новые и новые бабочки раскрывают крылья,
Все новые страницы становятся исписанными.
Каждый миг – самый первый,
Каждый миг – самый последний.
Оставь свою подпись на этом камне, и ты поймёшь, что
Круговорот Жизни давно захватил тебя,
ещё до твоего первого вдоха.
Плыви по нему, будто ты этот круговорот,
этот камень, эта птица.

Все здесь всегда знали Тебя,
потому что Ты сам есть Жизнь.

Кукушка

Я спала в эту ночь и слушала,
Словно северная сосна,
Как в ветвях вьёт гнездо кукушка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.